

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОБ ОТРЯДЕ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

Сергей
САМАРОВ

СМЕРТНИК НОМЕР ОДИН

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 17

Ранее книга выходила под названием
«Капитан Валар. Смертник номер один»

Самаров С. В.

С 17 Смертник номер один / Сергей Самаров. — М. : Эксмо, 2014. — 352 с. — (ВОЛКОДАВЫ. Лучшие романы об отряде специального назначения).

ISBN 978-5-699-68756-5

Вот, кажется, и закончилась война для капитана спецназа ГРУ Александра Смертина по прозвищу Саня Валар. Врачебная комиссия неумолима: офицер не годен к службе по состоянию здоровья. Впрочем, для кавказского террористического подполья это значения не имеет — в списке их злейших врагов, подлежащих уничтожению, имя капитана стоит под номером один, и для бандитов он — смертник. Однако Валар не собирается погибать. Напротив, вместе со своими товарищами он намерен уничтожить бандитское гнездо на Кавказе. Но для этого сначала надо отбиться от атак киллеров, которых наняли террористы. Сейчас они уверены, что «завалят» офицера-инвалида чуть ли не голыми руками. Но они здорово ошибаются...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Самаров С., 2014
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-68756-5

ПРОЛОГ

Дверь наконец-то открылась. Внутри меня заскулила надежда, обожженная кислотой обиды и просверленная отчаянием. Впрочем, иного состояния в моем положении и ждать не приходилось. Я был не в силах повлиять на результат, хотя привык брать ответственность за него именно на себя. Решался извечный вопрос — быть или не быть, оставаться мне на службе или стать официальным инвалидом. Сам себя-то я таким чувствовать не мог и не хотел, да и недавние события доказали мою высокую боеспособность. Только о моем участии в этих событиях громко говорить не стоит, иначе можно вернуться не в строй, а в то же самое СИЗО, из которого меня так удачно вытащили. Следовательно, и для убеждения комиссии у меня достаточно весомых аргументов не нашлось. А их аргументация сводилась исключительно к моей медицинской книжке и к заключению лечащих врачей. Здесь имели право не учитывать даже мнение моего командования. Я-то сам отлично знаю, что всем и помногу прав давать нельзя.

Особенно врачам. Врачи по крови такой народ, что в каждом видят инвалида...

Разговор на комиссии, впрочем, шел не об этом, а о моем функциональном состоянии. Я пытался что-то объяснить, но меня не послушали, хотя я свое состояние знаю лучше других. Им дали право не слушать... И теперь я был вынужден расхлебывать чиновничью неумную щедрость.

— Капитан Смертин!

У этого подполковника медицинской службы, что позвал меня, оттопыривая для солидности нижнюю губу, голова формой напоминала мяч для игры в регби. Но мяч был выставлен не вертикально — такая форма головы встречается часто, — а горизонтально, что само по себе уже нонсенс, и вызывало желание врезать одновременно двумя ладонями по ушам, чтобы язык вывалился изо рта, как пробка из бутылки. Самый главный придира из всей комиссии...

— Я! — шагнул я вперед, чувствуя, что покрываюсь потом.

— Завтра твои документы, капитан, отправят в канцелярию вашего управления кадров. Через неделю сможешь получить.

— В управление кадров ГРУ или в канцелярию бригады? — спросил я, желая уточнить.

— Сразу в ГРУ. На Хорошевку...

Голос ушастого врачуги не предвещал ничего хорошего. Тем не менее находиться в неведении еще несколько дней или даже неде-

лю — это из разряда гестаповских пыток. И потому я осмелился спросить:

— А какое заключение, товарищ подполковник?

— Не знаю, не решили еще, — сказал он раздраженно и шмыгнул за дверь, словно мои мысли о своих ушах прочитал.

— Вижу, капитан, ты еще хочешь служить, — сказал из-за моей спины толстый и лысый майор инженерных войск. Внешне он напоминал поставленные один на другой два арбуза, большой и маленький, при этом ноги и руки были совсем не округлыми — скорее даже тощими.

— Хочу. А ты как понял? — спросил я наивно.

— По физиономии этого подполковника. Меня уже предупредили: если кто служить не хочет, он все будет делать, чтобы человека на службе оставить. А если, наоборот, хочет служить, — будет из кожи лезть, чтобы помешать. Ты не расстраивайся. Кажется, будешь служить. Видишь, подполковник не в духе. Не послушались, значит, его доводов...

— Твоими бы устами, майор...

— Наливай, — разрешил он.

— Извини, в глухой завязке после ранения. Совсем, то есть, уже не пью...

Я не стал уточнять, что не пью с малознакомыми или совсем не знакомыми людьми.

— Каждому свое. — Майор погладил живот, и я удивился, почему этот арбуз не полосатый и из пупка не торчит арбузный хвостик. — А меня

вот со службы отпускают, но только на пенсию. А на заслуженную инвалидность — не хотят. Просто на пенсию мне невыгодно — экономика должна быть экономной, и потому я хочу третью группу инвалидности с правом на трудоустройство. Эх, где бы спиртиком медицинским разжиться... А то водка в магазинах сплошь паленая; люди от нее, как мухи от дихлофоса,дохнут.

— Попроси у подполковника, — посоветовал я на прощание. — Он с расстройства и компанию составит. У таких спирт всегда есть. Они им свою вредность заливают.

Я двинулся по коридору в сторону лестницы, так и не выяснив до конца свою дальнейшую судьбу. Мне не верилось в то, что мой вопрос еще не решен. Скорее всего вердикт вынесен, но вредный, как яблочный червяк, подполковник медицинской службы еще надеялся изменить его в свою пользу.

* * *

Я вышел на крыльцо, сразу «прострелив» глазами пространство за дверью, готовый в любой момент совершить рывок в сторону с перекатом по крыльцу или даже по ступеням, в зависимости от ситуации, и одновременным вытаскиванием своего пистолета. Все это я делал автоматически, памятуя недавние множественные попытки охотников за моей головой до нее добраться и потому соблюдая осторожность. Близкую дистанцию контролировать я

был в состоянии. Конечно, если появится еще один снайпер взамен недавно захваченного мной, я буду уже бессилён. Сил-то у меня много, но толку с них при таких обстоятельствах... Я могу спрятаться, когда поймать и уничтожить меня пытается целая дивизия. Но от снайпера, одного-единственного, которому время отпущено опять-таки на один-единственный выстрел, защититься я не смогу. И ничего против этого не сделать. Как говорится, когда на тебя прет танк, глупо обнажать саблю; точно так же глупо пытаться защититься от снайпера, которого ты не видишь. Здесь может быть только один вариант — остаток жизни провести в глухом железобетонном бункере где-нибудь глубоко под землей, оборвав все связи с друзьями и родственниками...

В этот раз угрозу для меня мог представлять только один человек, поскольку других представителей каких-либо народностей Северного Кавказа поблизости не фланировало. Но этот человек угрозы не нес.

— Привет, — протянул он волосатую руку, шагнув мне навстречу.

— Привет, — ответил я на рукопожатие.

— Ты на машине?

— Увы, нет. Что-то в движке собралось «полететь». Обещали недели через две сделать, послали запрос на запчасти. Там кроме движка еще и сцепление перебирать нужно. Пусть делают, пока гарантия действует, а я пешком по-

хожу, если никто не подвезет. Впрочем, может, уже и сделали — как раз время подошло. Надо звонить...

— Валар, тебя генерал дожидается, — сообщил мне капитан Магомед Магомедов, резко переходя с темы на тему, и кивнул на микроавтобус «Фольксваген Калифорния», что стоял неподалеку. Водительское стекло, слабо тонированное, не скрывало знакомое лицо старшего лейтенанта Сережи, как обычно, сидящего без своего «крапового» берета. — Разговор у Николая Владимировича к тебе серьезный и срочный, как обычно.

— И на ту же тему, что и обычно... — предположил я.

«Краповый» генерал-майор Лукьянов — мне не командир, и потому я мог свободно отказаться от самого что ни на есть серьезнейшего разговора. Но мое плотное сотрудничество с Комитетом взаимопомощи участников локальных военных конфликтов и с его руководителем как бы само собой предполагало дальнейшее согласование действий — я уже не говорю о более плотном контакте, который может оказаться необходимым и той, и другой стороне. И потому я отказался только для поднятия уважения к собственной персоне. То есть занялся тем, что на простом русском языке называется «ломанием».

— С вами, ребята, не поеду, — подойдя к машине вплотную, сказал я не слишком катего-

рично и даже с едва заметной улыбкой, чтобы оставить им путь к возможности меня уговорить.

— Чем мы тебе не угодили, Валар? — спросил старший лейтенант, открывая дверцу.

Я увидел, что не ошибся, — его «краповый» берет, как обычно, лежал на коленях. То, что Сережа держит где-то под рукой готовый к стрельбе пистолет-пулемет «ПП-2000», я хоть и не увидел, но знал, — как и то, что он недурно этой машинкой пользуется. И главное, всегда вовремя, тютелька в тютельку — а это умеют далеко не все бойцы, даже опытные.

— Один-единственный раз с вами поехал, так сразу на бандитов нарвались, машину разбили. Ладно хоть головы уцелели...

— Это не мы на них нарвались, а они на тебя с Сережей, — парировал капитан Магомедов, который в ходе той пресловутой стычки, когда нас пытались расстрелять автоматчики, даже ни разу не выстрелил, потому что мы со старлеем уже все сделали сами. — Но тогда мы их ждали. Сейчас не ждем и ждать не должны. У них слишком велики потери, чтобы их вот так, одним махом, восполнить. Некому больше в нас стрелять. Пока некому... хотя скоро они, возможно, найдут новых парней. Садись, генерал ждет.

Сережа только с улыбкой кивнул, подтверждая правоту сказанного Магомедом. И мне осталось только согласиться. Эта компания,

даже без медицинского спирта, мне нравилась больше, нежели арбузообразный майор и ушан-подполковник...

* * *

Дорога от госпиталя до уже знакомого мне медицинского центра на шоссе Энтузиастов, где нашел себе приют Комитет взаимопомощи участников локальных военных конфликтов, должна была, по идее, идти в объезд через МКАД. Но Сережа оказался опытным водителем. Он проехал через какую-то промышленную зону, где официальной дороги отродясь не бывало, шмыгнул в дыру через проломленный кем-то забор, потом проследовал коротеньким и низким тоннелем под промышленной железнодорожной веткой и выбрался дворами, минуя все пробки, прямо на шоссе Энтузиастов. По моим прикидкам, на дороге Сережа сэкономил не менее часа.

Старший лейтенант остался в микроавтобусе, а Магомедов повел меня на второй этаж в кабинет, где сидел генерал. Отдельного помещения у Лукьянова по-прежнему не было. Его стол стоял в общей комнате среди трех других своих собратьев и отличался разве что чуть большими размерами и наличием рядом сейфа. Капитан не стал задерживаться в кабинете и вышел после короткого доклада, прерванного жестом Николая Владимировича. Пожав мне руку, генерал указал на стул, стоящий неподалеку.

— Придвигай, присаживайся...

Я придвинул стул и сел, грубо говоря, по стойке «смирно». Пусть Лукьянов — генерал совсем другого ведомства и даже другого министерства, я, как человек военный, субординацию и дисциплину одобряю и к генеральским погонам отношусь с уважением.

— Чай будешь?

— Спасибо, не стоит беспокоиться.

— Как прошла комиссия?

— Как, товарищ генерал, может пройти посещение камеры пыток? Не без последствий для моей расшатанной нервной системы...

— Выпить все равно не предложу. С решением ознакомился?

— Никак нет. Обещали переслать в управление кадров ГРУ. Сказали, что через неделю смогу ознакомиться. Мне даже результат неизвестен. Держат, что называется, «в черном теле».

— Ну, результат я могу сказать. Для тебя, наверное, нет большого секрета в том, что любая комиссия всегда от кого-то зависима — что им прикажут, то они и решат. Врачебное мнение в таких случаях только сбоку прикладывается. А свое самолюбие наши медики тешат на тех, относительно кого указаний сверху не было. Тебя признали годным для дальнейшего прохождения службы, но с полугодовым отпуском по ранению. Через полгода сможешь встать в строй полноценным офицером, хотя и после нового медицинского обследования.

Сейчас ты пока еще неполноценный офицер. Это они так считают.

— Они сами люди хронически и безудержно больные и здоровых понять не могут, — возразил я. — Мне их мнение крыть было нечем, поскольку предъявлять имеющиеся аргументы нельзя. Кто скажет, сколько членов комиссии получают дополнительную зарплату в прокуратуре? Я и сам стараюсь напрочь забыть о событиях последней недели, и тем более не могу позволить себе публичных воспоминаний. И потому...

— Это правильно. Бьют не по заслугам, а по загривку.

— Длинный язык шее вредит, — пословицей на пословицу ответил я.

Генерал согласно кивнул и продолжил прерванную тему:

— Правда, полноценный отпуск тебе могут и не дать, потому что там в дополнительной строке будет стоять одна хитрая формулировка об относительной годности. То есть ты можешь служить, но, скажем, передавая боевой опыт, занимаясь преподаванием или чем-то подобным, что не несет в себе физических нагрузок. Эта формулировка дана специально, чтобы твое командование могло распорядиться твоей судьбой по своему усмотрению.

— Вам хорошо, товарищ генерал, — позволил я себе некоторую вольность. — Вы многое знаете. Обо мне знаете больше, чем я сам. Интересно, а сны мои тоже контролируете?

— Кое-что знаю, — согласился Лукьянов, — потому что принимаю непосредственное участие в твоей судьбе. Но к окончательному согласию с твоим командованием мы не пришли, хотя определенной договоренности и достигли. Формулировка в выводе комиссии позволяет отправить тебя на спокойное место службы в течение полугода. То есть предположительно в мое распоряжение, чтобы я засадил тебя за бумаги. Перекладывать чистые листы из стопки в стопку. Официально служба у нас именно такая.

— Тогда я не понимаю, почему ваши офицеры не расстанутся с «ПП-2000»...

— Не нравится «ПП-2000»? Неужели твой «Грач»¹ лучше? — усмехнулся генерал.

— И «ПП-2000» нравится, и «Грач» нравится. Всею свое место и время.

— А перекладывать чистые листы бумаги из стопки в стопку тебе нравится?

— Я так понимаю, товарищ генерал, что вы высказываете предложение перейти к вам на службу. Не по приказу, а по собственному волеизъявлению, хотя бы на ближайшие полгода...

— Именно собственное волеизъявление и было обязательным условием, на котором настаивало твое командование.

— Вы беседовали с командующим?

— С двумя полковниками. С командующим и с командиром бригады.

¹ «Грач» — пистолет «MP-443» конструкции Ярыгина.